

УДК 811.11

Кленэр Л.-Л.-В.Й.

(г. Москва)

**КОНЦЕПЦИЯ ГАНСА-ЙОЗЕФА КЛАУКА ОБ ЭПИСТОЛОГРАФИИ В
ПРИМЕНЕНИИ К ЭПИСТОЛЯРНОМУ НАСЛЕДИЮ
Л. БЕТХОВЕНА И Р. ВАГНЕРА**

Аннотация. В статье анализируется концепция Ганса-Йозефа Клаука об эпистолографии в немецком языке, рассматривающая эпистолярное наследие как определённый лингво-культурологический феномен, значимость которого возрастает в эпоху отмирания культуры написания писем. Выявлены особенности применения этой концепции к анализу эпистолярного наследия великих немецких композиторов Людвиг ван Бетховена и Рихарда Вагнера. Автором является специфика эпистолярного наследия обоих композиторов и проводится сравнительный анализ языковых особенностей их наследия.

Ключевые слова: эпистолография, эпистолярное наследие, дискурс, письмо, коммуникация.

L.-L.-V. Klenner

(Moscow)

**H.J. KLAUCK'S CONCEPTION OF EPISTOLOGRAPHY
AS APPLIED TO THE EPISTOLARY HERITAGE
OF L. VAN BEETHOVEN AND R. WAGNER**

Abstract. The article analyses H.J. Klauck's concept of epistolography in the German language, revealing vast opportunities for comparative description of epistolary heritage as a specific linguistic-cultural phenomenon. It is stressed that its importance is increasing especially in modern epoch when the culture of letter-writing is dying off. The author explains the peculiarities of applying this concept for the analysis of the epistolary heritage of the composers Ludwig van Beethoven and Richard Wagner. The specific features of these composers' epistolary heritage are presented; besides, the linguistic features of their heritage are compared.

Key words: epistolography, epistolary heritage, discourse, letter, communication.

Существенный вклад в понимание и развитие теории эпистолографии вносит концепция немецкого германиста и литературоведа Г.-Й. Клаука, которая представляет определённый интерес с позиций изучения различных жанровых разновидностей писем. Актуальность предлагаемого исследования заключается в приложении данной концепции к изучению эпистолярного наследия композиторов Л. Бетховена и Р. Ваг-

нера, представленного здесь 194 частными письмами Л. ван Бетховена, эпистолярное наследие которого охватывает около 800 писем, и 261 частным письмом Р. Вагнера из эпистолярного наследия композитора, представленного 1500 письмами.

Таким образом, объектом исследования являются частные письма композиторов XIX столетия Л. ван Бетховена и Р. Вагнера, а предмет исследования составляет их лингвистическая и культурологическая специфика. Деловая корреспонденция и так называемые «Komponistenbriefe» («письма композиторов» – специальные письма-предисловия или письма-послесловия музыкальным издательствам в рамках процесса публикации того или иного музыкального произведения) в данной работе не учитывались.

Итак, Г.-Й. Клаук видит в письме «половину некоего диалога» (eine Hälfte eines Dialogs) [8, S. 7], т. е. продолжение некоей беседы, но несколько иным способом. Возникает вопрос о том, насколько реальными остаются тогда собеседники в подобном «диалоге».

Г.-Й. Клаук говорит о появлении неких «призраков» (Gespenster) пишущих: по его мнению, письмо освобождает собственных внутренних демонов, которых стоило бы оставить в состоянии сна („...ein Brief befreit von eigenen inneren Dämonen, die man hätte schlafen lassen sollte“) [8, S. 24]. Можно сделать предположение, что письма в концепции Клаука являются заменой дневниковых записей, а эпистолярия как таковая (в его определении «литературы писем» („Briefliteratur!")) не существует [8, S. 26]. Получается, что исследование эпистолярного жанра утрачивает смысл.

Если рассмотреть видение эпистографии Г.-Й. Клаука применительно к письмам Л. ван Бетховена, то нельзя не согласиться с учёным. К примеру, насколько вероятно, что Бетховен делился устно в дружеской беседе рассуждениями о сопоставлении себя со Всевышним? Дневники его ближайших друзей и соратников К. Аменда и Ф. Брунвика не дают нам повода предполагать подобное. А в письмах Бетховен делится своими самыми сокровенными мыслями и чувствами, как будто пишет сама сущность композитора, часто намного более «открыто и прямо» („offen und gerade heraus“), чем даже в его собственном дневнике [4, S. 5].

Письма Бетховена обладают некоторыми общепринятыми в современном ему обществе характеристиками. Рассмотрим наиболее существенные признаки письма того периода. Одним из основных является так называемый прескриптум, открывающий текст письма. При его отсутствии или неполноте предполагалось автоматически, что данное

письмо представлено лишь в копии или является черновиком. Прескриптум, однако, не следует путать с указанием адреса на оборотной стороне или конверте.

Основная форма прескриптума трёхчастна. Проанализируем один из самых древних сохранившихся примеров эпистолографии – экземпляр Апиейского письма (2 в. н. э.):

Apion Antonius Maximus	– <i>superscriptio</i> , указание имени адресанта в именительном падеже
Erimachiom	– <i>adscriptio</i> , указание адресата в дательном падеже
χαρετι	– <i>salutatio</i> , приветствие в форме инфинитива

Все три составляющие образуют одно предложение. Странно, однако, то, что за именительным падежом не следует финитная форма глагола, а приветствие содержит инфинитив глагола (т. е. не форма χαρετι „Sei gegrüßt!“). Уже у грамматистов раннего средневековья данная устоявшаяся форма вызывала вопросы. Возможное объяснение можно найти в имевшем место изложении устного послания гонцом (Botenformel) как раннего вида коммуникации на расстоянии [8, S. 36]. Гонец, вступая в помещение, говорит: «Следующее молвит (адресант в им. пад.) (адресат в дат. пад.)». К данной формуле добавляется некая «причина обращения» в инфинитиве, повод, по которому прислан гонец. Со временем эта формула была перенесена в письмо и сохранилась до середины XIX в. в письмовниках, претерпев лишь одно незначительное преобразование: к этой «вводной» части добавилось впоследствии уже знакомое в наше время непосредственное обращение к адресату, которое по всем правилам письмовников автор также был вправе опускать в случае близкого знакомства или родства с адресатом. Так, в первых письмах Л. ван Бетховена к другу Карлу Аменда ещё наблюдается сохранение полной «вводной» формулы + обращение, в то время как письма более поздних лет свидетельствуют об использовании композитором своего права опускать последнее (ср.: письмо от 1 июля 1801 г. и письма 1802 г. и послед.) [4, S. 24, 28–36, 40, 42–55, 58, 60–64, 69]. В целом трёх- либо четырехчастный (*superscriptio*, *adscriptio*, *salutatio* с прямым обращением) прескриптум в эпистолярном наследии Л. ван Бетховена представлен достаточно широко.

Между прескриптумом письма и его корпусом – мотивацией написания письма – находятся, как правило, выражения-стереотипы, обязательные для соблюдения формы письма, но не несущие в себе большой содержательной составляющей, так называемый *prooemium*

(лат. предисловие, источник). Это *formula valetudinis*, введённая Сенекой („Wenn du gesund bist, ist es gut; ich bin gesund” – лат.: *si vales, bene est, ego valeo*). Изначально данное выражение могло стоять по усмотрению составителя письма свободно в любой части текста, но начиная с I в. н. э. письмовники рекомендуют, а после Геллерта (XVII в.) строго указывают ставить его сразу же после прескриптума. Существуют различные мнения учёных, согласно которым *prooemium* состоит исключительно из *formula valetudinis* либо включает в себя также выражение благодарности/радости по поводу получения письма и уверения в том, что адресат помнит об адресанте. Некоторые исследователи [6, S. 184; 7, S. 112 и послед.] считают, что эти два обязательных компонента следует отнести к составу «открытия» корпуса письма (*Korpusöffnung*); другие полагают, что структура письма детерминирована каждым письмом в отдельности и не может быть унифицирована [5, S. 97]. Мы принимаем первую позицию в отношении структуры письма, находя тому подтверждение в исследованных нами письмах композитора. Что касается эпистолографического наследия Л. ван Бетховена, то в ранних письмах композитора наблюдается полное соблюдение заданных стандартов (ср.: письмо от 15 сентября 1787 г. и послед.) [4, S. 9–11, 13, 16–21, 23]. Однако, начиная с 1798 г. Бетховен ограничивается *formula valetudinis* в частных письмах, заменяя ею полный *prooemium*, а в 1801 г. он пишет первое письмо, где прескриптум и *prooemium* полностью отсутствуют и заменяются простым обращением к адресату [4, S. 25] – грубое нарушение, уже изначально позволяющее предположить, что данное письмо, вопреки принятым тогда нормам, никогда не будет прочитано публично его адресатом [3, S. 274–289]. В письме имеются, безусловно, упоминания о собственном состоянии здоровья, которые встречаются очень часто, но они следуют беспорядочно.

Корпус письма, как правило, самая объёмная составляющая из всех элементов и может заполнять как несколько страниц (письмо Л. ван Бетховена Ф. Вегенеру от 29 июня 1801 г.) [4, S. 23], так и целый книжный свиток (например, письма апостола Павла). Так возникает необходимость в некоем внутреннем членении корпуса, включающем в себя вводные и завершающие конструкции, а также разного рода типичные для письма формулы внутри сердцевины. По мнению исследователя эпистолографии Рида, единого строения корпуса не существует и можно лишь вывести типичный для какого-либо отдельно взятого составителя корпус его эпистолографического наследия [1, S. 149]. Что касается Л. ван Бетховена, то определяется следующая структура корпуса его писем:

– после проoetium следует рефлексия относительно уже полученной корреспонденции с адресатом письма;

– далее приводятся рассуждения о собственных впечатлениях за последнее время (о действительности, личном состоянии здоровья, своих идеях);

– в завершении всегда сформулированы просьбы адресату, как правило, связанные непосредственно с творчеством композитора.

Последняя составляющая – просьба в письме – согласно Муллинсу и Альгману [2, Р. 137] имеет, в свою очередь, всегда чёткую структуру: глагол просьбы (Verb des Bittens), обращение в вокативе, формулу вежливости и обозначение (Benennung) желаемого действия. У Бетховена наблюдается полное совпадение с данной схемой (ср.: письмо от 5 апреля 1806 г. и послед.) [4, S. 43, 45–58, 60–73, 78, 82, 84–92, 95, 96–97, 112, 115–122].

Помимо этого, существует ещё один элемент, не встречающийся у Бетховена, – это так называемая рефлексия переписки, т. е. краткое воспроизведение сути, по меньшей мере, последнего письма, а иногда и написанных два года назад писем. Рефлексия переписки, по К. Нихольму, является очевидным признаком того, что адресант использует эпистолографию как дневник («tagebuchähnlicher Briefwechsel»), что переносит подобные письма на грань жанров и может быть осложняющим фактором для их определения. Следовательно, эпистолярное наследие Л. ван Бетховена однозначно следует отнести к эпистолографии.

Эпистолярное наследие Рихарда Вагнера, по концепции Г.-Й. Клаука, очень сходно с сохранившимися письмами Л. ван Бетховена. «Неформальное» отношение к письму свойственно и Р. Вагнеру. Однако эпистолярный стиль композитора имеет свои отличительные особенности. Уже в его ранних письмах наблюдается ограничение лишь *formula valetudinis*, причём как в частных письмах, так и в деловой переписке – необъяснимое и недопустимое нарушение, которое, однако, сам Р. Вагнер комментирует и объясняет необходимостью «передачи вольных мыслей» без «оков любого вида формы» („freier Gedankenaustausch (...) ohne Zwänge aller Form“) (письмо от 21 мая 1829 г.) [9, S. 113]. Это в значительной мере более свободное обхождение с требуемым прескриптумом, чем в письмах Л. ван Бетховена в те же годы жизни даже в дружеской, частной переписке (ср. письма Л. ван Бетховена 1800–1803 гг.) [4, S. 22–35]. Простое обращение к адресату в замену *formula valetudinis* и/или полного прескриптума появляются у Р. Вагнера, тем не менее, только в частной переписке, в первых письмах близкому другу Фе-

ренцу Листу (ср.: письма августа 1835 и послед.) [9, S. 309–310, 314, 319, 322–326, 331, 339–340, 354, 358, 360, 366–367, 372–373, 412, 415–416].

Корпус частных писем Р. Вагнера, отличающийся особой объёмностью, по структуре сопоставим с корпусом писем Л. ван Бетховена, с одним существенным отличием: в завершении письма вместо просьбы адресату находятся обязательно связанные непосредственно с творчеством композитора требования, что, несомненно, ещё одно весьма грубое нарушение стандартов структуры корпуса письма. Глагол просьбы (*Verb des Bittens*) здесь заменяется глаголом приказа (*Befehlsverb*), обращение в вокативе сохраняется, после – обозначение (*Benennung*) желаемого действия без формулы вежливости (ср.: письмо от 13 февраля 1837 г. и послед.) [9, S. 355–357, 359, 364–367, 413, 421, 426, 432, 436, 439–440].

Подводя итог, следует отметить, что частные письма Л. ван Бетховена и Р. Вагнера по своей структуре и содержанию часто выходят за рамки общепринятых правил эпистографии XIX в., и позволяют современным исследователям по-новому увидеть личности гениальных композиторов.

Литература:

1. Рид Джеймс-Филлис Корпус письма. Структура // *Correspondence as a Medium of Reception and Appropriation*. – Лондон, Екатеринбург, 2008. – P. 145–164.
2. Altman J.G. *Epistolary conduct: the evolution of the letter manual in France in the nineteenth century* – Chicago: «University of Chicago Press», 1992. – 304 p.
3. Baasner R. *Briefkultur im 19. Jahrhundert*. – Tübingen, 1999. – 331 S.
4. *Beethoven Ludwig van*. Briefe // H. Scheffer (Hrsg.). – Berlin: Henschel-Verlag, 1977. – 253 S.
5. Bluhm L., Meier A. *Der Brief in Klassik und Romantik // Aktuelle Probleme der Briefedition*. – Würzburg, 2003. – S. 93–107
6. Grosse S. *Untersuchungen zur Pragmatik und Semantik von Texten aus der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts*. – Berlin, 1987. – 380 S.
7. Hertel V. *Sprache und Kommunikation im Kulturkontext* – Frankfurt am Main, 1996. – 257 S.
8. Klauck H.-J. *Ein Konzept der Briefliteratur*. – Paderborn, München, Wien, 2008. – 332 S.
9. Wagner R. Briefe // W. Altmann (Hrsg.). – Zürich, 1905. – 741 S.